

Павел Пепперштейн

Предатель ада

Павел Викторович Пепперштейн

Предатель ада (сборник)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27831438

Предатель ада: Новое литературное обозрение; Москва; 2018

ISBN 978-5-4448-0877-1

Аннотация

Нечто иное смотрит на нас. Это может быть иностранный взгляд на Россию, неземной взгляд на Землю или взгляд из мира умерших на мир живых. В рассказах Павла Пепперштейна (р. 1966) иное ощущается очень остро. За какой бы сюжет ни брался автор, в фокусе повествования оказывается отношение между познанием и фантазмом, реальностью и виртуальностью. Автор считается классиком психоделического реализма, особого направления в литературе и изобразительном искусстве, чьи принципы были разработаны группой Инспекция «Медицинская герменевтика» (Пепперштейн является одним из трех основателей этой легендарной группы). Направление представлено культовым романом Пепперштейна и Ануфриева «Мифогенная любовь каст», а также книгами Пепперштейна «Военные рассказы», «Свастика и Пентагон», «Весна» и «Пражская ночь», которые вызвали бурную реакцию литературных критиков и читателей разных стран.

Содержание

Холодный центр солнца	5
Черная звезда	18
Звук	30
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Павел Пепперштейн

Предатель ада

© П. Пепперштейн, текст, рисунки, 2018,

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

* * *

Холодный центр солнца

В середине двадцать первого века человечеству пришлось решительно изменить свои представления об устройстве и истории Вселенной. Процесс этого пересмотра был запущен еще в конце двадцатого века, и в это дело внесло свою лепту немалое количество пытливых умов: кое-какие из них работали в глубокой тайне, и до сих пор о них ничего неизвестно, настолько филигранно они зашифровали себя (или же их спрятали другие). Но издавна случались ученые, делавшиеся знаками своих времен; и хотя широкая публика не находила в себе достаточно прилежания, чтобы вникнуть в суть их научных открытий, но все же эта неприлежная публика почти сразу ощущала на себе последствия изменений в картине мира, и некоторые яркие свойства ученых, сделавших сенсационные открытия, свойства их тел или душ, становились аллегориями тех превращений всеобщего знания, которые эти ученые совершали, словно публичные или, наоборот, сокровенные маги.

Так, подлость и мстительность Ньютона ассоциируется с законом земного тяготения, дзенское миролюбие Эйнштейна стало эмблемой теории относительности, а болезнь Стивена Хокинга, превратившая его в инвалида, тотально зависимого от технических устройств, связывается в сознании масс с невыносимой тяжестью знания о физике темного ве-

щества, о черных дырах и о космосе, бесконечном и бесконечно однообразном.

Математик Григорий Перельман, чьи открытия так или иначе глубоко повлияли на представления о материальных свойствах Вселенной, привлек к себе острейшее внимание со стороны средств массовой информации благодаря другому личному качеству – бескорыстию.

Его отказ от двух миллионов долларов, присужденных ему в качестве премии за совершенные им научные открытия, стал лицом самих этих открытий – если человека из публики (человека, обо всем информированного, но ничего толком не знающего) спросить, в чем заключена суть открытий Перельмана, он (если пожелает быть искренним) ответит, что суть этого научного прорыва заключается в отказе от двух миллионов долларов. Странно, но невежа, высказавшись в этом духе, окажется прав – отказ от крупной суммы денег, совершенный математиком, специалистом в области чисел, сделал Перельмана героем эпохи, свихнувшейся на деньгах.

«В центре циклона тихо и спокойно», – написал американский исследователь ЛСД Джон Лилли, и ему вторит американский же фантаст Роджер Желязны: «В центре Дворов Хаоса царит тишина и абсолютный порядок». Следуя этой логике, можно воскликнуть, что милосердный Христос распят в центре мира зверств, а спокойный Будда восседает в центре мира тревог. Лотос Забвения цветет в эпицентре Памяти, питая ее своим соком (лотосовым молоком). Улыбающийся одними лишь уголками губ Леонардо создал икону эпохи воплей, а бессонный Сталин является центром оцепенелого сна, в который массы погружаются под влиянием массового террора. Подобным образом в эпицентре мира глобального капитализма начала двадцать первого века располагалась нищая квартира в Купчино, в многоквартирном доме на одной из героиновых окраин Санкт-Петербурга – квартира Перельмана, дверь которой осталась закрыта для тех, кто принес ему деньги, точно так же как для многочисленных журналистов. То время свихнулось не только на теме денег, но и на теме публичного внимания, а бескорыстие Перельмана является лишь одним из проявлений его социопатии – впрочем, от слова «социопатия» откажемся, лучше назовем это «любовью к одиночеству» или «мизантропией».

Впрочем, Перельман не одинок – по свидетельству его соседей по многоквартирному дому, он окружен множеством тараканов, которым оказывает покровительство, особенно в

трудные для тараканов дни, когда в доме проводится замор насекомых: в эти ядовитые дни все тараканы в здании спасаются на территории Перельмана, куда хозяин не пускает тех, кто вершит тараканий геноцид. Это поведение ученого, вкупе с его бескорыстием, может навести на вполне обоснованную мысль, что в обществе будущего не будет не только денег, но и людей. Кроме ученого мужа и тараканов в этой центральной квартире мира еще проживает матрас, на котором Перельман спит (кстати, других вещей там нет), – этот матрас (как сообщают соседи, главный источник информации о Перельмане) остался от предшествующего владельца квартиры – опустившегося алкоголика.

Итак, отказ Григория Перельмана от двух миллионов долларов, совершенный в 2009 году, имел общественный резонанс. Этот поступок гениального фрика из Купчино повлиял и на меня, тогда молодого и преуспевающего американского бизнесмена. Я был неплох в математике, крайне талантлив в экономике и финансах, имел весьма смутное представление о физике Вселенной, любил спорт, кокаин, белую одежду, белые дома, белые автомобили и белых лошадей. Что же касается женщин, то я жить не мог без высоких стройных негритянок, наделенных абсолютно светлыми глазами и ломкой, слегка заплетающейся походкой. Скажу сразу, что и сам я чернокожий, хотя и остерегусь употреблять в отношении себя слово «афроамериканец», поскольку черты моего лица свидетельствуют о том, что предки мои явились не только из

Африки, но также из Индии. К тому же судьба одарила меня нелепым, на мой взгляд, именем – Оливер Кент.

Услышав о Перельмане и его эксцентричных выходках, я поначалу лишь хихикал, начинив кокаином свой длинный, черный афро-индийский нос. Мои деловые дела в тот момент шли так хорошо, я был так везуч и успешен, так богат, что почти не вылезал из депрессий. Я глупо хихикал и даже повизгивал от радости (что пестрыми цветочками произрастает на полянах моего отчаяния), но потом все же заинтересовался, за какие, собственно, подвиги обитателю тараканьей квартиры хотели вручить два миллиона, которые, как выяснилось, ему не нужны. Заинтересовался не из-за отвергнутых денег (сумма эта, по тогдашним моим доходам, не казалась мне гигантской), а потому что в глубине души я всегда любил математику. Эта вспышка математического интереса повлекла неожиданные последствия: я продал бизнес, получил второе высшее образование (физико-математическое) и стал ученым не менее великолепным, чем перечисленные выше подлец, дзен-мастер, мученик и святой. Но что я смог бы без них?

И прежде прочих Перельман и его открытия дали мне в руки ключи к безумным гипотезам, которые впоследствии подтвердились. Я, Ол Кент, совершил в 2022 году переворот в астрофизике, доказав, что планета Земля гораздо древнее Солнца и что история ее прошлого и возможного будущего – это «Большой Дрейф» по различным галактикам. В 2031 го-

ду я получил Нобелевскую премию за утверждение так называемой «новой, геоцентрической модели Вселенной». Я доказал, что Земля находится в центре целой системы солнц, и, хотя этот центр постоянно смещается, все же колоссальная конфигурация галактик снова и снова формирует себя так, чтобы удерживать в своем пустом центре бегущий или шныряющий «принцип жизни», воплощенный во влажном лице земного шара.

И хотя для того, чтобы доказать релевантность новой, геоцентрической модели, мне пришлось неимоверно усложнить само понятие «центра» (впрочем, неизменно сохраняя в «центре центра» математический ноль, средоточие старого координационного креста), все же человечество услышало фразу «Подвинься, Коля!», произнесенную мной на русском языке с приятным акцентом в одном из радиоинтервью (я имел в виду Коперника, конечно). «Move your ass, Nick!» – торжествующе и повсеместно звучал американский аналог этого пароля, и даже подростки 30-х годов двадцать первого века танцевали под эхо этой фразы, бесчисленно отраженной в потоках той музыки, под которую тогда танцевало все более или менее харизматическое малолетство.

Так, в вихре веселых отпетых звучаний, Вселенная Коперника умерла, и ее отпели. На смену ей пришла Вселенная Кента – и я оказался живущим в мире, прозванном в мою честь. Меня называли отцом этой Вселенной, но это не превращало меня в ее хозяина, и в этом обнаруженном мною ми-

рождении я оставался столь же пылким и несчастным, каким родился. Впрочем, я счастья не искал. Не счастья жаждало мое сердце, но знания. Новое открытие предстояло мне совершить. Я ощущал это всем своим небольшим черным телом, оно говорило мне, что следует еще кое-что существенное уяснить себе относительно Солнца.

Я всегда любил Землю и горжусь тем, что утверждение мною новой геоцентрической модели Вселенной дало повод к новому обожествлению нашей таинственной планеты – такому всеохватному обожествлению, которого она не ведала даже в докоперниковские времена. Совершенный мною переворот в астрофизике способствовал тому, что планетарная власть наконец-то перешла в руки экологов. Это, к сожалению, произошло с опозданием, ибо планета к этому моменту оказалась настолько истерзана людьми, их безумием, алчностью и тошнотворной жаждой, что шарообразное тело Земли стало источать флюиды пусть и не окончательно смертельной, но все же очень опасной болезни. Но лучше поздно, чем никогда – капитализм рухнул, на смену ему пришел экосоциализм, принявший форму затейливой теократии, и божественная жизнь Земли продлилась. Двуногие твари роптали, ибо новая экотеократия к людям нежных чувств не питала и держала их в черном теле (таком, как мое). Человеческие гады трепетно хранили в своих норах пестрые ошметки рухнувшей цивилизации потребления и прогресса, хранили даже технические устройства (хотя за это власти сурово кара-

ли), хранили даже уцелевшие осколки того стеклянного купола, что назывался некогда рекламой: да, хранили и дробчили украдкой на эти запретные кусочки ядовитой яркости. Поступал так и я.

Итак, я выслужился перед лицом Земли, но униженная звезда смотрела на меня с неба – звезда, которой Коперник подарил корону, а я отобрал. Впрочем, звезда не таила на меня обид, она просто хотела, чтобы я разгадал ее тайну. И я разгадал. И за это получил еще одну Нобелевскую премию. От денег я не отказывался, в экосоциалистическом обществе они все равно не имели особого значения: на все великолепные деньги, врученные мне шведским королем, я смог бы один раз выпить дайкири, правда, из очень специального бокала. Тайна нашего времени, равно как и тайна любого другого времени, находится в ведении физики, а физика (как бы ее саму это знание ни тревожило) произрастает на почве метафизики и в эту же почву затем и уходит, дабы ее насытить. И хотя получеловечество стоит на пороге открытий куда более страшных, чем те, что я совершил, все же эльфы порхают над бездной, и в переплетениях сетчатых зеркал на их стрекозиных крыльях вспыхивает свет далекого будущего.

Я разгадал тайну Солнца. В центре этого газового сгустка находится точка абсолютного холода. Так называемая точка О (в данном случае перед вами не ноль, а буква, скрывающая в себе звук). Я вычислил температуру этой центральной точки Солнца – ее минус равняется вывернутой наизнанку сумме температур всех остальных точек Солнца, кратной физической секунде регулярного излучения. Здесь сейчас не появятся формулы. Зачем? Эти математические формулы и

так высечены на стали, мраморе, серебре, золоте и на человеческих черепах. Я так люблю черепах! Они ковыляют или дремлют повсюду в траве моего сада.

Среди этой травы, где темные панцири бродят словно шляпки крепких ходячих грибов, сидит моя дочь – жирная востроглазая трехлетка с шарообразной копной мелкокурчавых волос. Она сидит среди яркости дня, как смоляное чучелко из сказки про хитрого кролика. А я, хитрый изможденный кролик, по-прежнему облаченный в белую модную одежду, стою у края бассейна со стаканом золотого дайкири в руках. Вот они, нежные осколки капитализма! Вот они – светоносные осколки рекламы! Я гляжу на кубики льда, плавающие в алкоголе. Что я рекламирую? Я рекламирую холод. Лед в стакане – только он уцелел в строю погибших американских богов. Я стою, слегка раскачиваясь на невероятно высоких каблуках, крайне низкорослый, все еще немного молодой элегантный красавчик. Лицо у меня как у Кафки, если бы он родился черным. Такой же, как у дочурки, шар жестких мелкокурчавых волос вокруг головы – словно второй, внешний мозг.

Я снова смотрю на дочь. Ее зовут Винис. Винис Кент. Всю жизнь мою я пылал как костер, сжигаемый изнутри жаром моего существа, но в центре сердца скрывалась безмолвная точка О, точка абсолютного холода. Спасительная и безмолвная. Мы, афродравиды, обожаем детей и размножение. Но... я не люблю тебя, доченька. Хотя и умею страстно любить че-

репах, траву, лед, алкоголь, каблук. Sorry, darling. Твой папа капнул немного яда в свой дайкири. И скоро он немного поплавает в бассейне мертвый, ок?

Конечно, ок. А как еще может быть? После моей смерти тебе достанется от меня в подарок плоская коробочка, внутри – несколько листков с формулами. Береги эти листочки, Винис, они многое изменяют. А на крышке шкатулки ты увидишь знакомые тебе инициалы, ты проведешь по ним жирным пальчиком, ты засмеешься. Прощай. Твой ОК.

P.S. Перельман и Хокинг действительно противовекторны в своих научных созерцаниях. Хокинг (Hawking) – это парализованный ястреб (Hawk), ястреб-король (Hawk-King), поставивший точку (микроскопическую черную дыру) в конце летописи знания, завоеванного хищниками и охотниками. Но охотник исчезает, остаются лишь ныряльщики за раковинами, а охотничья птица сидит одна, изуродованная, парализованная. Человек-жемчужина Перельман (Pearl Man) живет в ракушке, как и пристало жемчужинам.

2010

Черная звезда

Меня зовут Винис Кент, мне 22, я родилась в Винис-Бич, ЛА, Калифорния (в честь этого легендарного пляжа меня и назвали). Как и многих других калифорнийских девочек, меня сделали в мотеле, а возрастала я на стандартной вилле с квадратным бассейном и садом, где обитало множество черепах. Мой отец фанател на черепахах.

Родителей своих я не знала: моя мать, капризная супермодель Эстер Делабо, передознулась героином на шестой неделе моей жизни, а отец, великий астрофизик Оливер Кент, покончил с собой вскоре после того, как мне исполнилось три года. Видеозаписи и фотографии свидетельствуют, что это была красивая пара: высокая и стройная Эстер, негритянка с абсолютно светлыми глазами, взорвала немало сердец своей пронзительной красотой, а отец – пусть и на много голов ниже ее ростом, но весьма ладный, даже грациозный, с тонкими и нервными чертами лица. Говорят, он весь дергался и слыл собранием самых удивительных нервных тиков – наверное, от кокаина, которым злоупотреблял в молодости. Кожа моей матери напоминала нежный шоколад, но я унаследовала цвет кожи своего отца – матово-черный, лишенный оттенков, не отливающий ни в теплую коричневатость, ни в холодную синеву. Мне не удалось унаследовать от матери редкостные для чернокожих светлые и прозрачные си-

яющие очи, мне ничего не досталось от маминых сокровищ: ни высокого роста, ни ослепительной красоты.

Отцовская низкорослость также обошла меня стороной: я среднего роста. Хотя в раннем детстве я замечала себя в зеркале толстым и довольно уродливым ребенком, но с годами сделалась худой, гибкой и даже умеренно пригожей. В целом отцовский геном победил. Мне достались от него в наследство физико-математический склад ума, а также необычные для нашей расы тонкие черные губы, являющие тень произвольной улыбки. Впрочем, на моем лице отцовская улыбка сделалась спокойной. Позволяю себе надеяться, что меня обошли стороной его неврастения, гениальность, алкоголизм, остроумие, культ Европы, суицидальный синдром, утонченность чувств и прочие украшения, которыми он сверкал, как рождественская елка зеркальными шарами.

В день моего совершеннолетия правительство республики Калифорния вручило мне плоскую коробку с инициалами ОК на крышке (единственное, что пожелал передать мне отец). От себя правительство присовокупило к этому подарку официальную бумагу, в которой (в знак признания заслуг моего отца) мне разрешалось пользоваться виллой с квадратным бассейном вплоть до окончания моей жизни без права ее продажи или же передачи ее по наследству моим детям, если таковые увидят свет. Но я не собираюсь иметь детей. Кроме даров, что я получила от отца и республики и не получила от матери, судьба преподнесла мне отличное

здоровье, железные нервы, поразительную выносливость и физическую силу, которую вряд ли кто может заподозрить в хрупкой на вид девушке. Не только лишь доброму року я благодарна за эти качества, но также сестре моей матери Элоизе Делабо, которая вырастила и воспитала меня. Бесконечная благодарность и любовь к этой женщине, заменившей мне родителей, и сейчас согревает мне сердце. В последнее время в газетах стали появляться недостойные замечания об Элоизе, ее кое-кто называет «садистически настроенной идиоткой, страдающей хроническим ожирением», намекают, что она избивала меня, отыгрываясь на моем детском теле за красоту моей матери, которой Элоиза якобы страстно завидовала. Говорят также, что она взялась за мое воспитание лишь для того, чтобы выбраться из трущоб и поселиться в доме с бассейном и черепашками.

Черепаш моего отца Элоиза постепенно съела, мимоходом варя из них легкие ароматические супы. Клевета возмущает. Пусть ее воспитание казалось суровым и простым, но именно в таком я и нуждалась, ведь я всегда мечтала стать астронавткой, а для этого мне следовало сделаться нестигаемо сильной и выносливой. К тому же кровоподтеки почти не видны на моей черной коже, и в школе у меня не возникало никаких проблем. Я не стала бы осыпать Элоизу упреками за то, что та время от времени запирала меня в холодном и тесном подвале – там я воображала, что лечу в ракете, и даже нарисовала черным маркером на белых стенах подвала

большие круги – иллюминаторы космического корабля.

Порой мне удавалось украдкой захватить с собой в подвал тюбик зубной пасты – и там я съедала ее, поскольку знала, что астронавты питаются из тюбиков. Элоиза однажды застукала меня за поеданием пасты, назвала «сексуальной извращенкой» и избила скрученным в жгут электрическим проводом. Она жива до сих пор, пребывая в доме для престарелых. Я часто навещаю ее, принося сладкое, и со спокойной любовью смотрю на эту черную гору, облаченную в халат, а на черной горе светятся два глаза – светлые, прозрачные, прекрасные очи, как у моей мамы. Элоиза мало чем интересуется сейчас.

Я хотела стать астронавткой и стала ею. Меня, дочь великого астрофизика, охотно приняли в закрытый колледж NASC имени моего отца, который я закончила с золотым значком VW. Хочу выразить глубокую признательность руководителю Сектора Особых Учебных Программ NASC Джону Тишбайну, а также директору NASC бригадному генералу Одди Лопесу и его заместительнице Джеральдине Майер, которые неизменно окружали юную курсантку заботой и вниманием. Я навсегда сохраню в своем сердце благодарное чувство к руководителю Медицинского Центра Подготовки к Полетам NASC доктору Джоан Либескинд и ее заместительнице Розалинде Краусс за их бесконечное терпение и такт. Я осмелюсь также выразить свое глубокое восхищение президенту республики Калифорния Уильяму Блейку

за ту принципиальную позицию, которую этот великий государственный деятель занял по отношению к развитию новейших исследований космоса, в течение многих лет отстаивая право нашей страны на проведение независимых космических полетов вопреки наглому вето, которое (без всякого на то права) многократно налагало на наши космические программы мракобесное правительство Союза Северных Штатов.

Пускай оголтелые теократы, окопавшиеся в Бостоне, не тянут свои грязные плавники в белых кружевных окровавленных перчатках к нашим секретным разработкам! Держитесь подальше от нас, бостонские псалмопевцы, наводнившие червеобразными шпионами нашу солнечную республику! Родину Оливера Кента не изгнать из космических просторов! Калифорния не встанет на колени, северные мутанты! Вместе с нашими союзниками из Королевства Чероки мы дадим отпор интригам Моби Дика! Прислужники Серой Капеллы, вон из LA!

Впрочем, я совершенно равнодушна к политике и говорю все это для того лишь, чтобы порадовать нашего президента Блейка, ибо он всегда проявлял ко мне такую трепетную доброту! В день моего совершеннолетия президент Блейк лично вручил мне плоскую коробочку с инициалами моего отца на крышке. С этого все и началось.

В коробочке, доставшейся мне в наследство, я обнаружила все необходимые расчеты, касающиеся возможной экспедиции на Солнце, а также формулу так называемого «холодного вещества». Я не стану здесь приводить эту формулу, она и так записана на многочисленных алмазах, рисовых зернах, айсбергах, а также на китовых, дельфиновых и человеческих черепах. Всех наших черепах съела Элоиза Делабо.

Я вполне владею собой. Открытие «холодного вещества» сделало возможным появление совершенно жароустойчивых материалов, а это, в свою очередь, проложило прямую королевскую дорогу к первому путешествию человека на Солнце. Впрочем, выражение «экспедиция на Солнце» кажется мне не совсем удачным, ведь Солнце не обладает поверхностью. Солнце – это «сплошная глубина, вывернутая наизнанку», и ни о какой «высадке» здесь речи идти не может. Скорее уж следует говорить об «экспедиции в Солнце» или о «погружении в Солнце», причем о радикальном погружении, стремящемся к достижению самого Холодного Центра Солнца, открытого научным озарением моего отца.

На заре космических полетов американцы и русские соперничали в этом деле, и тогда в этих странах по-разному называли тех смельчаков, что, не покидая своего физического тела, отважно покидали тело Земли. Американцы употребляли в отношении этих героев слово «астронавт», русские же предпочитали слово «космонавт». И хотя оба слова грече-

ские, различие между этими словами достаточно точно описывает разницу в стремлениях. Нас, жителей Нового Света, влекли звезды – недаром они светились на древнем флаге тогда еще единых USA. В Америке тех древних дней существовал культ так называемых звезд – ими являлись обожествленные личности, как правило, хорошо умеющие петь песни или изображать вымышленных людей. К звездам относились также некоторые спортсмены и политики.

Русские же в те времена (как и сейчас) обожали тьму и тайну, поэтому привлекали их не звезды, а темные промежутки между ними. Их притягивало не исключительное и сверкающее, не блещущее на фоне – их манил сам фон, бесконечное *prostranstvo*, темное и аморфное, похожее на эхо в гигантской бессветной зале. Америку открыли охотники за специями, ведь английское слово «*spice*» происходит от латинского «*spēcia*», то есть точка, и пикантными точками неба являются звезды. Но русские срать хотели на звезды, на специи, на остроту чувств. Черный Квадрат сделали они своим гербом, они пели свои гимны, прославляющие тьму, незнание и страсть, – *Ochi Chernie* и *Tjomnaja Noch* пели они как заведенные, смерть им была не страшна, с ней не раз они встречались в степи, вот и сейчас над ними она кружится, и они с наслаждением наблюдают ее полет в своем темном, отчаянном, летаргическом небе. О пресные русские! Зачем мы поселились с ними на одной планете? Здесь так тесно.

Мой отец обожал русских почти как черепах. Он считал

их культуру явлением холода, а холод он чтит словно бога. Он также считал русских духовными братьями всех чернокожих, а Россию звал «Африкой в снегах». В его рабочем кабинете висели два портрета: афрорусского сказочника Пушкина, истекающего кровью на снегу, смертельно раненного пулей коварного итальянца Данте, а также еще одного курчавого и бородатого русского мужика по фамилии Перельман, когда-то популярного ученого, ныне забытого.

А я вот, как все честные калифорнийки, боюсь русских. Впрочем, я никогда не видела живого русского, поэтому представляю всех русских мужчин умирающими на кровавом снегу, злорадными, переполненными смертельным юмором, с гигантскими бородами, тихо и злобно лепечущими нечто предсмертное среди инеистых книг и замороженных пингвиньих яиц. Никаких отношений с Россией наша свободная республика не поддерживает – слава Богу, с тех пор как рухнул гнилостный проект, названный когда-то «глобализацией», мы научились ценить разобщенность, дистанции и границы. Зачем болтать о далекой России, когда уже на границе с государством Луизиана стоят непроницаемые кордоны, эта граница намертво охраняется огромными испаноязычными мутантами вкупе с их синими ядовитыми псами. Никто не знает, какая у них, в Луизиане, политическая система. Говорят, там властвует двадцатиголовый король Луи Двухтысячный из династии Горо. Династия воцарилась недавно, но дала уже две тысячи монархов по имени

Луи, а все потому, что многоглавые мутанты живут кратко, словно бабочки-однодневки. Все это слухи, их не принято повторять.

Вернемся лучше к звездам и к американской мечте о них. Итак, все американские астронавты стремились стать астронавтами, но до меня это стремление пребывало лишь словом – по сути, они превращались в таких же беспросветных космонавтов, какими были их русские соперники. Я первая осуществила американскую мечту, я первая устремилась к настоящей звезде – Солнцу. Я первая стала настоящим астронавтом с Земли.

Как ни странно, самым сложным в организации экспедиции на Солнце оказалось сделать так, чтобы в Солнце я летела одна. Но я жаждала встречи наедине – лишь я и Солнце.

Ведь речь о глубоком проникновении, не так ли? Меня могут обвинить (и нередко обвиняют) в безумной гордыне или же обозвать, как сделала Элоиза, сексуальной извращенкой. Но я смиренна как францисканец, а считать меня извращенкой могут лишь те, кто усматривает глубинное извращение в бытии минералов или во вкусе родниковой воды. Пролетела над мной комета – видно, неспроста. Верно, это добрая примета: жизнь моя чиста. Жизнь вообще чиста. Грязна лишь смерть.

Накануне экспедиции я лежала на бортике большого квадратного бассейна, где когда-то плавал труп моего отца. Я так и не узнала, почему он наложил на себя руки. Стояла юж-

ная ночь, безлунная и звездная. Я лежала на рамке черного квадрата, набитого звездами. Там я уснула, и мне приснилось, что я гуляю по гигантскому глазу. Это был остекленевший глаз Элоизы, светлый и прозрачный. Поверхность глаза – твердая, стекловидная, и невероятно трудно оказалось удержаться на этой гладкой покато́й поверхности, тем более что я бродила по ней в туфлях на очень высоких и тонких каблуках. Мне приходилось всплескивать руками, чудом сохраняя ломкое равновесие. Черный зрачок этого глаза зиял скважиной, узкой бездной. Проснувшись, я поцеловала на прощание хлорированную воду бассейна, а после покинула Землю, чтобы погрузиться в пучину огненного океана. В своем небольшом прозрачном батискафе, пронизанном волокнами «холодного вещества», я достигла Центральной Точки Солнца – она не только абсолютно холодна, она еще и абсолютно темна. Это микроскопическая черная звездочка, мерцающая в эпицентре ворсистого и чешуйчатого огня. Сожалею, но я погибла в этой экспедиции. Не хотела признаваться в этом, но придется. «Холодное вещество» уберегло меня от солнечного пламени, но суперхолодная черная звездочка в эпицентре Солнца поглотила мой корабль.

Эй, русские, наши угрюмо-веселые враги!¹ Вы ошиблись.

¹ Упаси меня Бог считать русскими мутнооких извивающихся чернокожих танцовщиков из клуба «Баба Джага» во Фриско (в этом клубе такие страшные фрески!). Эти вертлявые ниггеры поклоняются русским языческим богам. Чтут они и Перельмана, называя его «богом Перило» (God Perilo). Он считается богом лестниц.

Вы искали вечную тьму в пространстве меж звездами. Но вечная тьма скрывается в сердце звезд. Эта звездная тьма – условие света.

2010

Звук

*Имеющие уши, да слышат.
Евангелие от Иоанна*

Меня зовут Джейн. Джейн Марпл. Уже в колледже я подписывалась Джейн Марпл Младшая и рассказывала всем, что моя бабушка – та самая проницательная старая леди, которую Агата Кристи прославила на весь мир за выдающиеся способности к разгадыванию криминальных тайн. Старушка распутывала самые запутанные клубки, вот только она не существовала в действительности, а я существую.

Мое образование, которому я посвятила свою любознательную рассеянность, было связано с историей искусств, но я так обожала Агату Кристи, что после колледжа пошла работать в аукционный дом Christie's, воспользовавшись протекцией своей дяди лорда Балтимора. Впрочем, вскоре дядя переметнулся к конкурирующему дому Sotheby's, и я вслед за ним.

Sotheby's – знаменитый аукционный дом, но его название никак не связано с Агатой Кристи, поэтому я быстро потеряла интерес к работе, хотя мой дядя был неизменно обаятелен.

Я сказала ему, что хотела бы расследовать преступления, чтобы оправдать свое священное имя – Джейн Марпл.

Впрочем, должна сразу же признаться, что полностью лишена необходимых для этого дела талантов. Я невнимательна. С детства меня осуждали за склонность к бесплодным мечтам, которые всецело овладевали моим туманным сердцем. Я росла, как остров в дожде растет за бортом корабля на радость усталым пассажирам круизного лайнера. Всегда мечтала о морских круизах.

Воспринимая реальность сквозь круизную призму своих фантазий, я вряд ли способна быть детективом.

Там не менее лорд Балтимор отнесся к моим словам о расследовании преступлений с неожиданной серьезностью.

– Не хочешь ли впутаться в одну шпионскую историю? Вижу, тебя уже не возбуждают интриги вокруг аукционов, хотя в нашем деле немало авантюр. В таком случае ты могла бы оказать услугу своей семье. Твой двоюродный брат Морис Сэгам предпринял попытку служить Ее Величеству в качестве агента по специальным поручениям.

Я всегда сомневался в его шпионских дарованиях. Кажется, дело окончилось провалом. Честно говоря, Морис – не семи пядей во лбу. Пустой парень, хотя и не лишенный сантиментов. Мой друг по клубу (не буду его называть, ты сама знаешь, о ком я говорю) сказал, что Морис сейчас в Крыму и с ним там что-то стряслось. Он вроде бы потерял память и вообще сошел с ума и находится в психиатрической клинике в Ялте. В той самой Ялте, где когда-то сэр Уинстон Черчилль, Рузвельт и Сталин делили Европу, точно торт. Его

служба больше не хочет им заниматься, они считают, что зря связались с ним. Да и само дело, ради которого он оказался в Крыму, нынче считается надуманным и не стоящим выеденного яйца. Всего лишь фантазия одной горячей головы из МИ-6. Не хочу сказать, что вся наша родня – сплошные неудачники, но Морис так же не тянет на Джеймса Бонда, как ты, дорогая, на Джейн Марпл Старшую. Он уже в Оксфорде славился своими бредовыми выходками и бездарностью по части наук. Видимо, такие и идут в спецслужбы. Тем не менее он часть нашей разветвленной семьи, поэтому, раз уж ты мечтаешь о приключениях и морских круизах, то вот билет на самолет до Марселя, а там тебя ожидает круизный лайнер. В Ялте ты сможешь навестить Мориса в клинике и, надеюсь, забрать его оттуда. Привези домой этого дурачка.

Я мало знала Мориса Сэгама, моего кузена. У нас в семье его почему-то называли Американцем. То ли потому, что он долго жил в Америке, то ли по какой-то другой причине. Его выгнали из Оксфорда за небрежное отношение к наукам. Я понятия не имела, что он сделался секретным агентом Королевы. Один раз я вместе с ним и Джеральдом Фасмером употребляла галлюциногенный препарат. В бреду Сэгам что-то говорил о королях и королевах. Впрочем, я тоже люблю Елизавету.

Мне сказали, что в Ялте обо мне позаботится некий Джейк Янг – видимо, мелкий агент. Собственно, он и сообщил о том, что Сэгам находится в клинике. Так я оказалась в

Крым — край почти баснословный, о котором я знала лишь то, что там сложил голову мой предок, британский генерал, воевавший в Крымскую войну. Представление о той военной кампании у меня было весьма смутное, что не мешало мне ощущать горделивую причастность к давним битвам при просмотре фильма «Атака легкой кавалерии».

Джейк Янг передал мне ключ от квартиры, где Сэгам прожил почти год, — квартирка располагалась в Симеизе (мечечко недалеко от Ялты), в старом доме, где в начале XX века действовала гостиница для холостяков.

Я так мало знала о человеке, которого собиралась выручить из беды. «Может быть, его жилье скажет мне нечто о свойствах его души?» — подумала я. В старом доме в тот момент не было электрического света (в Крыму часто отключают электричество), поэтому я обследовала эту квартиру со свечой в руке.

То был туманный вечер русской Пасхи. У стен местной церкви я наблюдала крестный ход в соленом тумане и огонек свечи сохранила до интервенции в покинутую квартиру. Там я обнаружила множество стеклянных и фарфоровых фигурок и один рисунок, изображающий девочку в костюме охотницы с кровавыми слезными струйками на щеках. После я с наслаждением приняла душ.

Все это показалось мне восхитительным. Шпион-неудачник, собирающий дешевые статуэтки с блошиного рынка, — что может быть обворожительнее для бывшей сотруд-

ницы аукционного дома Christie's? Меня охватило мистическое томление, возможно, сексуального происхождения, ведь воздух был пропитан пьянящим благоуханием цветов и моря.

На следующий день я отправилась в клинику – по адресу, который мне сообщил Джейк Янг. Странная оказалась клиника, она состояла из нескольких строений, старых и относительно новых, везде было пустынно и тихо, кое-где ходили медики и санитары в белых халатах, но в целом создавалось впечатление, что в этом комплексе зданий нет других пациентов, кроме Мориса Сэгама. Должно быть, жители Ялты не склонны к психическим заболеваниям. Эта местность слишком прекрасна и дышит здоровьем.

Во дворе клиники оборудовали картинг – небольшой лабиринт из автомобильных шин: там я увидела Мориса, который медленно ездил по лабиринту в полуигрушечном авто. Голова его была увенчана шлемом. Главный врач, чем-то похожий на доктора Фрейда, рассказал мне, что Морис обожает проводить время таким образом.

– Впрочем, причина не в его любви к автомобильному спорту. Просто ему нравится, когда на его голове шлем, – добавил врач загадочно.

В последующие дни я не раз беседовала с этим пожилым врачом, а также с его молодой ассистенткой, которая превосходно владела английским.

Говорила я и с другими сотрудниками. Один из санитаров

показался мне подозрительно похожим на Джеральда Фасмера, обожателя интересных химических веществ, вызывающих видения.

Впрочем, я знала, что Джеральд редко покидает Южный Лондон, так что сочла это сходство случайностью. У себя дома на Саут-стрит оригинал Джеральд обычно расхаживал в причудливых мантиях из золотой парчи с мальтийским крестом на шее. Что могло заставить этого наркоденди поменять свою мистическую мантию на белый халат санитара, раздуваемый нежным южным ветром?

Мне было не до Джеральда Фасмера и не до его двойника-санитара. Я пыталась разобраться в том, что случилось с Морисом Сэгамом.

Джейк Янг показал мне мутную видеозапись, сделанную незадолго до госпитализации Мориса, где Сэгам говорит, что напал на след... Впрочем, он тут же сообщает о том, что нечто, как ему кажется, угрожает его рассудку. И это нечто – Звук. Некий звук.

Морис называл его liquid sound – жидкий звук. Еще он употребил выражение poison sound – отравляющий звук. Звукояд.

Из рассказов врачей следовало, что психическое расстройство Сэгама связано с фобией звука. Они сообщали, что пациент использует любой предлог, чтобы защитить свои уши. Он часами разъезжает по картингу только потому, что там ему выдают шлем. Он постоянно сидит в наушниках, де-

лая вид, что слушает музыку, но никакой музыки не слушает. Рассказывали и о том, что время от времени с ним случаются странные припадки – кажется, он имитирует некую агонию, после чего на несколько минут как бы умирает. В эти моменты тело его не откликается на болевые сигналы. После этой краткой смерти он приходит в себя и бывает особенно тихим и отстраненным.

Да и вообще, за исключением этих «агоний», он ведет себя смирно – в клинике его даже прозвали «тихий американец». Прозвище Американец последовало за ним и сюда. Сэгам родился в Штатах, и у него американский паспорт. Впрочем, он истово любит Британию – она является ему в галлюцинациях в виде прекрасной девушки в черной короне, всегда на фоне моря, с развевающимся английским флагом в руках.

Врачи упоминали также об «оживающей руке». Несколько раз наблюдали за удивительной сценой: у крепко спящего Сэгама вдруг «пробуждалась» рука. Рука вела себя как отдельное, независимое существо, причем явно настроенное против самого Сэгама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.